

Витамина Мятная
Джо Лин

ХОЛМЫ ФЕЙРИ.
Я ТЕБЯ ПРИСВОЮ!

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М99

Мятная В.
М99 Холмы фейри. Я тебя присвою! / Витамина Мятная, Джо Лин – М.: Литнет, 2025. – 218 с.

ISBN 978-5-521-93152-1

Да, все деревенские знали, что в холмах меж холодных камней живут эльфы, это ни для кого не было секретом. Просто никто из местных не хотел с ними связываться, да и встречаться лишний раз не спешил. У эльфов специфическое чувство юмора, а шутки посмертальнее стихийного бедствия будут. Фейри не умеют любить и сострадать, не прощают обид и мстят за малейшую неучтивость. Они любят и присваивают себе все красивое. Фейри владеют чарами, не стареют, живут вечно и презируют людей. Вот с одним таким мерзавцем я и заключила сделку, чтобы спасти свою невинность.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93152-1

© Литнет, 2025
© Д. Лин, 2025
© В. Мятная, 2025

«Холодные камни холодной рукой не трогай, не надо, и рядом не стой. Не слушай их песни, не пей их вино... Холодные камни утянут на дно!»

Что дно реки, что дно болота, да хоть подземные чертоги фейри – мне было уже все равно! Мои сокровенные мечты и робкие надежды разбились вдребезги. Впереди меня ничего не ждало.

Пачкая юбки в грязи, не разбирая дороги, я бежала в холмы. В лапы фейри, к гибели и смерти.

Да, все деревенские знали, что в холмах меж холодных камней живут эльфы, это ни для кого не было секретом. Просто никто из местных не хотел с ними связываться, да и встречаться лишний раз не спешил. У эльфов специфическое чувство юмора, а шутки посмертельнее стихийного бедствия будут. Фейри не умеют любить и сострадать, не прощают обид и мстят за малейшую неучтивость. Они любят и присваивают себе все красивое. Фейри владеют чарами, не стареют, живут вечно и презирают людей.

Деревенским кое-как удавалось откупиться от них мисками с молоком, мелкими подношениями, пропавшими вещами и скотом, угнанным на болота. Утолив жажду веселья, эльфы уходили, не трогая людей.

Сами же смертные редко ходили в холмы, старались избегать эльфийских болот, а на вересковые пустоши забирались только от самой безнадежной нужды. И то с оглядкой и боясь встретиться с хозяевами холодных камней. Местные давно смирились и привыкли так жить. В страхе.

Мало кто мог забыть, что фейри рядом. Никто из деревенских не смел просто так тревожить сказочный народ на их территории.

Одна я осмелилась пойти против всех правил.

Но мне было уже на все наплевать.

Пусть лучше жители холмов разгневаются на меня, превратят мое сердце в камень или затанцуют до смерти, сгубив в топях, или заманят в свои подземные чертоги, что прячутся среди холодных камней и вереска. Лучше стать болотным огнем, чем уготованная мне судьба.

Жизнь, даже такая трудная и горькая, что была у меня до сегодняшнего дня, потеряла всякий смысл. И я взбунтовалась.

С матушкой Мод жилось непросто. С детства она обращалась со мной больше как со служанкой, чем с дочерью. Я была ребенком-подкидышем, найденным в холмах, и умерла бы там, если бы старая Мод не подобрала меня и не вынесла к людям. Вылечила и выходила.

Об этом она никогда не забывала напоминать. Особенно ведьма напирала на то, что я должна быть ей безмерно благодарна за ту жизнь, которую она мне дала.

Потому что я подкидыш, без сомнения, внебрачный, нежеланный ребенок, а возможно, и эльфийское отродье. Но деревенские, хоть и держались со мной отчужденно, в это не верили. У меня не было никаких признаков фейри. Ни остроконечных ушей или сияющих глаз, ни божественной красоты, ни чар, ни бессмертия.

Хотя кое-чему волшебному у старой Мод я научилась. Ведьма не стремилась передавать мне знания, я сама невольно нахваталась от нее разных умений. В частности – навыков в защите от влияния фейри. Именно с такими проблемами обычно приходили к ведьме. Полечить зачарованную скотину, снять морок или проклятье, избавить от влияния эльфов.

К ней приходили незадачливые пастухи, случайно попавшие на пирушку к эльфам и попробовавшие их вино. Теперь они уже не могли забыть той стороны: чары фейри, как хищник, поймавший добычу в сети, тянули их обратно. За помощью приходили пастушки и доярки, у которых коровы вернулись с пастбищ без молока

или скисло все надоевшее. И просто недалекие деревенские дурни, что, заслышав музыку фей в холмах, пускались в пляс, а потом не могли остановиться. Они так и приплясывали на пороге старой Мод, пока та не снимала с них чары.

Реже к ней приходили, чтобы вернуть украденного ребенка или проверить своего несносного крикуна, не дававшего родителям ни минуты спокойствия, не подмениш ли?! А может быть, для того чтобы найти и вернуть человека, потерявшегося в холмах (пока он еще жив), или выкупить заключившего с эльфами сделку.

Поговаривали, что темными звездными ночами сами фейри приходят к матушке Мод за помощью. Если такое и было, то гости с той стороны исчезали с рассветом.

Мод занималась колдовством, и это единственное, что она делала. Все остальное хозяйство было на мне. Старуха ни разу не взяла в руку тряпки или кастрюлю с того момента, как мне исполнилось три года.

Я терла, скребла, готовила и убирала, ходила за скотиной. Даже варила зелья или, если самой Мод было лень, плела и мастерила обереги против сияющего народца. Все с неизменным покорным: «Да, матушка! Сию минуту, матушка! Как скажете, матушка!».

Но из года в год во мне копилась горькая обида. Ни разу я не услышала и слова благодарности.

Она не считала меня своим ребенком и наследницей, но при этом требовала, чтобы я непременно называла ее «матушкой» и благодарила за все, что она для меня сделала.

И хоть ведьма многое могла, поток людей, желающих помощи, мельчал, эльфы притихли и затаились в своих холмах (а может быть, и уснули). Наконец людской поток превратился в редкие частные визиты. Денег не стало вовсе, и тогда, чтобы хоть как-то заработать, Мод придумала сдавать меня в наем соседям.

Для того чтобы жать пшеницу или молотить зерно, я была слишком слаба, но вот с домашней живностью и хозяйством я ладила,

как никто в деревне. В моем присутствии пироги поднимались выше, коровы телились легче, куры неслись чаще. Так я и подрабатывала служанкой то в одном доме, то в другом за еду и монеты для старой Мод, на которые она беззаботно жила.

Это продолжалось из года в год, пока на меня не положил глаз младший сын мельника и мой мир не перевернулся.

Впереди меня ждало еще большее горе. Боль, несправедливость и обида преследовали меня с самого рождения. Теперь к ним присоединились унижение и страх.

Как ни старалась я сохранить все в тайне, старая Мод сразу же узнала о том, что сын мельника не дает мне проходу. Мельник посулил за меня ведьме золота, и та, не моргнув глазом, продала меня, словно какую-то корову. А чтобы я не смогла уйти из дома мельника, меня решено было выдать замуж.

Старшие братья давно были оженены. Прислуживая в их доме, я видела их жен, двух тихих женщин неопределенного возраста, тощих, в серых бесформенных балахонах, вечно испуганных, смотрящих в пол и замотанных в платки до глаз. Они боялись даже своей тени и безропотно выполняли все приказы.

Замужество – далеко не то, о чем я мечтала.

Но ведьма и слова не дала мне сказать, резко отрезав:

– Мельник богаче всех в трех деревнях, свое огромное наследство он поделит между сыновьями. О таком муже каждая деревенская девка мечтает, да не про их зубы пряник. Даже слушать не собираюсь твои неблагодарные речи. Что такая, как ты, в этом может понимать? Вот помру, кто о тебе позаботится? А так будешь при муже в достатке и сытости! Да и возраст у тебя уже весь вышел, восемнадцать годков, того и гляди в старых девках останешься!

Сама Мод помирать и не собиралась, она планировала припеваючи жить на деньги от моей продажи.

Выбора мне не оставили, убедив, что для безродной сиротки свадьба с богачом – самый лучший вариант. Я смирилась, хотя внутренне вся кипела.

Старуха не дала ни медяка в приданое, заявив, что я сама сделаю все, что требуется для торжества, еще раз доказав, какое я выгодное приобретение для семьи мельника.

Оказалось, что в доме ведьмы мне ничего не принадлежит. Моей выдала самое старое и рваное платье и отправила в дом к мельнику.

Я смирилась и с этим в надежде обрести кров и семью. Меня продали, назад ведьма не пустит, больше не куда было идти.

Мне пришлось устраивать собственную свадьбу. Так много я никогда еще не работала, три дня, полные забот и хлопот, в конце которых меня запирали в сарае мельника, объясняя это тем, что жить под одной крышей с женихом до свадьбы грех. Но что об этом может знать распутная деревенская девка, как я?

«Если не выскочила замуж в четырнадцать – либо развратница и не девица, либо дефекты какие есть и никто взять не захотел! А раз такое дело, пусть эта безродная благодарна будет, что на нее хоть кто-то глаз положил, в особенности такой пригожий молодец, как сын мельника!» – судачили деревенские кумушки, с завистью переминая мне косточки.

Ночью, накануне свадьбы, когда я, наработавшись за день, без сил и сна лежала на соломе, замок на двери сарая звякнул.

Внутри тихо вошла одна из жен сыновей мельника, боязливо поставила фонарь на пол, и скользнула вон.

Я, испугавшаяся мести деревенских девиц, которые сами мечтали окрутить последнего свободного сына местного богача, сползла с рваного пледа и забралась на сеновал под самый потолок, притаившись в темноте.

Мало ли что могло прийти деревенским девкам в голову, например, избить меня перед свадьбой, а то и испортить лицо, изрезав кухонным ножом, в надежде, что жених от меня откажется.

Я не на шутку боялась разборок и расправы. Пригожих женихов в деревне мало, говорят, многих парней сманили и сгубили в холмах фейри, выбирать девицам не из чего, хватай последнее или позор-

но оставайся в девках. Так что деревенские невесты готовы были с особой жестокостью побороться за последних свободных парней.

К моему удивлению, в сарай вошли, озираясь и нетвердо стоя на ногах, сыновья мельника. Увидев пустой мою жалкую постель, навязанный мне жених и его братья завертели головами по сторонам. Не зная, чего ждать, я замерла, как мышь под веником, в своем тайнике и не ошиблась.

Не найдя меня на месте, братья рассредоточились и, поднимая фонари повыше, начали рыскать по сараю.

– Ей, ты где? – Сыновья мельника заглядывали во все углы, приподнимали мешки и ворошили солому. – Иди к нам, не стесняйся, развлечемся. Все равно завтра одной семьей станем. У нас с братьями все общее!

– Свадебку сыграем, с женами познакомим! С кем из нас жить захочешь, с тем и останешься, не забывая, конечно об остальных.

Они говорили достаточно громко, а это означало, что мы здесь одни и братья ничего не опасаются, потому-то и заявили все трое с таким недвусмысленным предложением.

Я в ужасе вспомнила тихих забытых женщин невзрачной наружности, неприметных и покорных своей судьбе. Видно, и с остальными своими женами братья поступили таким же образом, заставив жить со всеми тремя разом, подчинив общей воле. Для себя я такой участи не хотела.

– Не могла же она раствориться.

– Думаешь, все-таки дочь ведьмы?!

– Приемная!

– Эльфы ее, что ли, украли?

– Замолчи! – шикнул один брат на другого. Все трое перекрестились и сплюнули при упоминании веселого народца.

– Здесь она. Дурит просто. Цену набивает, – убежденно сообщил младший сын мельника, тыкая в солому вилами. – Думает, если больше кочевряжиться, ее за девицу примут.

– Всем известно, что ведьмы в холмы шастают. А старуха Мод никогда среди приличных не слыла. Говорят, и приемыша своего всякому научила.

Так вот как думает обо мне сын мельника? Вот почему он меня выбрал? Решил – соглашусь на разврат?!

От их речей у меня потемнело в глазах и закружилась голова, внутренности стиснуло льдом. Это был только первый удар.

Я была на грани обморока, но изо всех сил сражалась с небытием, с ужасом представляя, что будет, если меня найдут здесь без чувств. Замужество произойдет быстрее, чем я думала.

Засов на двери сарая оглушающе звякнул. Дверь открыли пинком. Но еще до того, как створка грохнула об стену, братья юркнули в солому, что твои мыши. Брошенные фонари упали на пол. Раздался звон, и мир погрузился в полумрак.

Пьяный, с красными навывкате глазами, мельник на ощупь полез на сеновал. У меня все замерло в груди.

– Эй, невестка? НЕВЕСТКА? – Возможно, пьяному казалось, что он шепчет тихо, но мельник ревел так, что тряслись стены сарая.

Мельник нащупал что-то в ворохе соломы и, развязав штаны, заерзал, пристраиваясь. Темная тень в соломе активно отбивалась от пьяного.

– Не-е-естка! – Язык пьяницы заплетался. – Вот недотрога! Будь же ласковой!

Невестка не собиралась таковой быть и уже откровенно дралась и брыкалась.

Я в немом ужасе затаилась в своем убежище.

По углам шуршали сыновья мельника, стараясь тайно, под покровом тьмы выскользнуть из сарая. Судя по всему, они точно знали, что представляет из себя их отец в пьяном виде. По деревне ходили слухи, что он до смерти забил их мать. Хотя сам мельник уверял, что жену у него украли чертовы фейри.

– Невестка! Не будешь благоразумной, я расстрою свадьбу. Тог-

да не бывать безродной девке частью нашей семьи! Старуха тебя назад не пустит, деньги она уже взяла! На улицу пойдешь себя продавать!

Возня и молчаливая борьба продолжалась, пока я не услышала громкое ругательство, и все стихло.

Посмотрев вниз, я увидела мельника, стиравшего морок с лица, в ужасе смотрящего на сына.

Перед моими глазами померк мир, хотя солома, на которую бросили фонари, разгоралась ярче, озаряя все вокруг.

Я уже ничего не хотела! Лишь бы проснуться, лишь бы как-то очнуться от этого кошмара! Но ужасу не было предела.

– Вон она! – крикнул один из братьев, указывая на меня пальцем. Я резко открыла глаза и поняла – меня обнаружили. Четыре страшных, искаженных похотью и бешенством лица смотрели вверх, прямо мне в глаза.

– Я первый, не смейте влезать, щенки! Сливки я снимаю! – Мельник оттолкнул жадно смотревших сыновей и, приставив лестницу, полез наверх.

Глаза мельника бешено горели на почерневшем от ярости лице.

Я поняла: меня сейчас не только по очереди изнасилуют эти четверо, но и избыют до смерти. А если я все-таки выживу, то завтра они сыграют свадьбу, окончательно закрепив все права на меня у этой гнилой семьи, и этому кошмару не будет конца.

Я в ужасе попятилась. Мне ясно представилось, какая меня ждет судьба, и внутри что-то хрустнуло, ломаясь.

Любой расхочет жить, если его и без того горькая жизнь переросла в сплошное унижение и не проходящий страх.

Я уперлась спиной в дверцу сарая, через которую забрасывали сено на верхний ярус.

Покрасневшая пьяная рожа мельника показалась над соломой. Хрипя от натуги, пьяница перевалился через край и, задыхаясь, протянул ко мне волосатые руки. Лестница позади мельника скри-